

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе**

**2021 – 2022 учебный год**

**Заключительный этап**

**Первый тур**

**10 класс**

**Выполните целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)**

*Юрий Трифонов*

**КОШКИ ИЛИ ЗАЙЦЫ?**

Я приехал в город через восемнадцать лет после того, как был здесь впервые. Тогда мне было тридцать пять, я бегал, прыгал, играл в теннис, страстно курил, мог работать ночами, теперь мне пятьдесят три, я не бегаю, не прыгаю, не играю в теннис, не курю и не могу работать ночами. Тогда приехал в Рим в толпе туристов, теперь я здесь один. Тогда вокруг были друзья, теперь окружают малознакомые итальянцы, которые заняты своими делами, и я их понимаю. Между прочим, они довольно необязательные, часто опаздывают на полчаса, а то на час. Я жду в вестибюле гостиницы. Они милые люди. Я привык к их опозданиям. Они не могут переделать себя. Здесь, в Риме, перемешаны тысячелетия, перепутаны времена, и точное время трудно определить. Оно здесь не нужно. Ведь это «Вечный город», а для вечности опоздание не имеет значения. Вы живёте в доме XIX века, спускаетесь по лестнице XVIII, выходите на улицу XV и садитесь в автомобиль XXI века. Я изучил все иллюстрированные журналы, что валяются на круглом столике в вестибюле гостиницы «Сан-Рафаэль», фасад которой затоплен желтовато-серым, шуршащим на ветру водопадом дикого винограда, а может быть, плюща. Во всяком случае, тут целые заросли какой-то исчахшей от жаркого лета ползучей зелени.

Так вот: тогда я был нищ, скуп, по городу ходил пешком, жалея тратить лиры на автобус, вечерами валился с ног от усталости, утром вскакивал бодрый, как пионер, на витрины книжных магазинов смотрел со жгучей тоской; теперь могу купить любую книгу, ходить пешком мне скучно и утомительно; кроме того, я всегда куда-то спешу и езжу на такси. Тогда я жил в бывшем публичном доме «Каиро», обитательниц которого на время Олимпиады выселили и в узких комнатах поселили нас, туристов, неподалеку от вокзала, рядом с рынком и кинотеатром «Люкс», на пятый этаж мы поднимались пешком; теперь живу в «Сан-Рафаэле», рядом с площадью Навона, и это совсем не похоже на пансионат «Каиро». Тогда меня всё ошеломляло, я всё хотел заметить, запомнить, мучился желанием

написать что-нибудь лирическое обо всём этом, а теперь ничто не ошеломляет и не слишком хочется писать. Тут много причин. Не стану о них распространяться. Скажу лишь: жизнь – постепенная пропажа ошеломительного.

В воскресенье пришёл один из малознакомых итальянцев, опоздав на сорок минут, милый человек по имени Джанни, и предложил поехать куда-нибудь за город. Например, в Дженцано. Я засмеялся: Дженцано был единственный город в окрестностях Рима, где я побывал восемнадцать лет назад! Хорошо его помню. Я же написал рассказ о Дженцано. Нельзя ли в другое место? Но Джанни мялся, явно не желая ехать в другое место, и вскоре объяснилось: он жил в Дженцано и ему надо было по хозяйственным делам непременно заехать домой. Мы поехали. По дороге я вспоминал: маленький город, который живёт производством цветов. Там бывают карнавалы и фейерверки. Тогда в компании полупьяных и ошеломлённых друзей я сидел в trattoria Пистаментуччия, пил кьянти, ел жареную зайчатину (то была особая охотничья trattoria, и всё убранство внутри эту особенность подчёркивало: рога оленей, чучела, оружие на стенах), пел песни, раскачиваясь на лавке и обнимаясь с соседями; потом хозяин подарил нам фотографии своей trattoria с шеренгой официантов и поваров в колпаках перед входом, сам усатый господин Пистаментуччия в середине шеренги, потом мы сидели за столиками на площади, захмелев от вина, было необыкновенно тепло, душно, одуряюще пахло цветами и порохом, соревновались пиротехники, в небе что-то крутилось и сверкало, потом к нам подвели человека по имени Руссо, который провёл два года в нашем плену, у него была глянцеви́тая голова, он изображал рукою, будто пилит дрова, и говорил: «Очень карашо!» Обо всём этом я когда-то написал. В том стиле лирической прозы, который был моден в шестидесятые годы. Рассказ назывался «Воспоминание о Дженцано». И это было действительно самое дорогое и лучшее моё воспоминание о той поездке. Была какая-то свобода, молодость, распахнутость, всечеловечность и хмель, хмель! Я не мог бы внятно объяснить, что значила для меня ночная площадь в Дженцано. И охотничья trattoria Пистаментуччия. Но всё это осталось во мне как музыка тех лет со всеми их радостями, надеждами, предвкушениями. А теперь палил зноем воскресный пустой Рим, желтел на камнях полувысохший Тибр, Джанни ехал по своим делам домой, а я зачем-то увязался с ним, понимая, что напрасно, повторения быть не может. Музыка отзвучала. Двое из тех, с кем я был тогда в Дженцано, умерли, двое других ушли от меня далеко.

Городишко не изменился за восемнадцать лет. Это был тоже маленький «вечный» город. В ресторане на веранде, где воздух дрожал от жары, где лежала тень от платанов, вокруг столиков бегали во множестве дети, на каменных плитах, забившись в углу, где попрохладнее, дремали жалкие собачонки вроде тех, которых любил рисовать Карпаччио,

незаметно всовывая их в свои громадные загадочные полотна, я спросил у Джанни, существует ли та trattoria Пистаментуччия. Не знаю, зачем спросил. По-настоящему она меня не интересовала. Она годилась только как воспоминание. Я не собирался её искать. Джанни ответил: trattoria существует, но теперь там другой хозяин. У прежнего хозяина два года назад случились большие неприятности. У него был процесс. Его обвинили в том, что вместо жареных зайцев он давал гостям жареных кошек.

Я едва не крикнул: «Они были вкусные! Я помню!» Ещё мне хотелось крикнуть: «А как же рассказ "Воспоминание о Дженцано"? Значит, неправда? Значит, не тёплые сумерки, не море цветов, не песни враскачку с соседями, трудовыми людьми Италии, с их мужественными, обожжёнными солнцем лицами, не чудесное кьянти, не охотничий запах зайчатины, а – жареные кошки?» И сразу пришла другая мысль: «Вот как надо кончать рассказ! Надо его дописать!» Но я не крикнул ни того, ни другого, ни третьего. Я молчал, подавленный. Потому что всею кожей и задохнувшимся сердцем вдруг почувял разницу между нами: мною тем и сегодняшним. Дописывать ничего не надо. Нельзя править то, что не подлежит правке, что недоступно прикосновению, то, что течёт сквозь нас. Разумеется, мало радости узнать, что когда-то тебя изумлявшее и делавшее счастливым оказалось фальшивкой и ерундой. Боже мой, но ведь ощущение счастья было! И навсегда остались пение, шум в голове, петарды, Руссо. Правда, я не почувствовал за всей красотой жареных кошек. Я не прозрел истину. Несчастные жареные кошки есть повсюду, и писатель не имеет права делать вид, что их нет, он обязан их обнаруживать, как бы глубоко и хитро они ни скрывались. Всё так, но мне было тогда тридцать пять, я бегал, прыгал, играл в теннис, страстно курил, мог работать ночами.

Я спросил у Джанни: что стало с синьором Пистаментуччия?

– Его оправдали, – сказал Джанни. – Но он не захотел жить в Дженцано и продал trattoria. Теперь она называется «Настоящие зайцы».

1981

### **Комментарии:**

*Кьянти* – итальянское сухое красное вино.

*Траттория* – итальянский ресторан с относительно небольшим набором блюд, «домашней» кухней, неформальной атмосферой.

*Карпаччио* – Витторе Карпаччо (1465 – 1526), итальянский живописец эпохи Возрождения.

## ГОРОДСКИЕ ФОНТАНЫ

Когда бы не боялся я прослыть  
Бездельником, лентяем и поэтом,  
Мечтателем, которого всегда  
Презрительной улыбкой награждают,  
Я утром бы исправно уходил,  
Как ходят клерки в скучную контору,  
В гранитный мир парижских площадей,  
Чтоб слушать шум блистательных фонтанов!

В огромных и нарядных городах,  
Где всё имеет смысл и назначенье,  
Нет более напрасной красоты,  
Чем этих вод безумное течение...  
Когда ревут недобрые гудки,  
И каждый миг из мрака подземелья  
Измученная, чёрная толпа,  
Заране обречённая на муки,  
С тревогой неизбежною в глазах,  
Торопится, друг друга обгоняя,  
И, задыхаясь, мчится и спешит,  
Чтоб тусклый день ещё у жизни вырвать...  
Одни фонтаны светлую струёй  
Холодный блеск бесцельно расточают,  
И падает на каменное дно  
Оформленная прихотью стихия.

Она взлетает, бешеная, вверх,  
Но каплей каждою к земле влечётся,  
Чтоб, вновь себя на брызги расточив,  
Подняться вновь для нового безумья.

И если долго вслушиваться в шум,  
То ясно в нём улавливаешь дактиль,

Скользкий ямб, послушливый хорей  
И медленную женскую цезуру...

Один фонтан на площади Конкорд  
Швыряет в небо столько сочетаний,  
И столько строф, и строф чередований,  
Что все стихи Овидиевых книг,  
Корнеля стансы и романы Гейне  
Собой бассейн наполнить не могли б...  
Когда бы в них была вода, конечно!

1927

**Комментарии:**

*Площадь Конкорд* – площадь в Париже, выдающийся памятник градостроительства эпохи классицизма (проект 1775 г.). Несколько раз меняла название: была Площадью имени Людовика XV, затем – Площадью Революции, потом – Согласия, затем – снова Людовика XV, а с 1830 г. и по сей день носит название Площадь Согласия.

*Овидий* – Публий Овидий Назон, римский поэт (43 г. до н.э. – 17/18 г. н.э.), автор эпической поэмы «Метаморфозы».

*Корнель* – Пьер Корнель (1606 – 1684), французский поэт и драматург эпохи классицизма.

*Гейне* – Христиан Иоганн Генрих Гейне (1797 – 1856), немецкий поэт, публицист, критик эпохи романтизма.